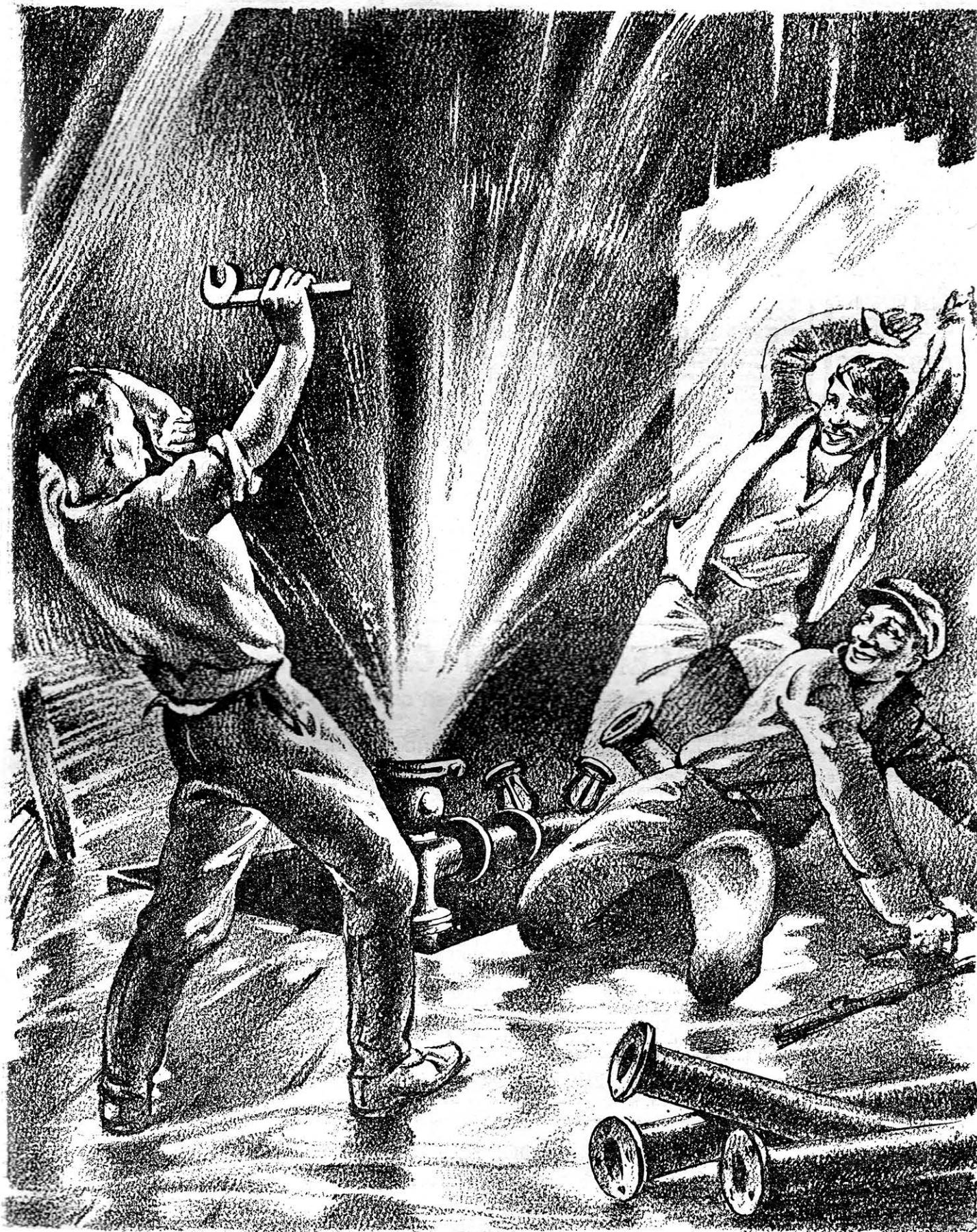

Цена № 10 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 18

Черное золото Урала. ...Из скважины вырывается газ...Нефть!..

„ЗиФ“

* * *

Через три часа пути Юлдаш встретил Мухамеда, который хотел знать, как поживает его родня, живущая за триста километров от озера Иссык-куль.

Юлдаш нахмурился и сказал:

— Вероятно тебя интересуют самые последние новости?

Мухамед побледнел.

— Неужели с ними случилось несчастье?

— Может быть, так как я видел их давно.

— Но расскажи, что с ними было, когда ты их видел.

— Тебе это не интересно. Кроме того, пока ты доедешь, это окончится. Потому что у каждого места на земле свое время.

Мухамед подумал, что старый Юлдаш слишком много возил почту и слегка тронулся умом, а потому осторожно спросил:

— А откуда ты сейчас едешь?

— Все это уже миновало, хотя у меня осталось вот это.

Юлдаш показал взреную баранью ногу, упрямо тряхнул головой и тронулся дальше, а Мухамед, огорченный явным умственным расстройством Юлдаша, долго смотрел ему вслед и качал головой.

забрались в середину села, воткнули шест и остались ночевать. Никто не знал тогда, что по всей республике пропремит название села. Никто не знал, что уже не уйдут из этих мест люди с молоточками на форменных фуражках.

— Нам нужны калийные соли, — говорили они населению. — Мы делаем разведки на залежи соли. Республике нужно минеральное удобрение. По окраинам предполагаемых залежей мы бурим скважины. В вашем селе двадцатая по счету.

— Нам что, — пожимали плечами крестьяне. — Ройте!

Буровая штанга стальными зубьями коронки прогрызла покрытие (слой) сланцевой глины, и вместо того, чтобы добыть из скважины № 20 калийные соли, в Верхне-Чусовских Городках из скважины достали нефть, и таким образом соляная скважина № 20 превратилась в нефтяную скважину № 1.

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО УРАЛА

Очерки С. Будинова¹⁾

I

Царевны Биармии.—Аника Строганов.—Рифейские горы.—Хлопотливые люди.—Нужны калийные соли.—Нефть.

Светловолосые, голубоглазые, бесстрашные датчане и норвежцы направляли свои корабли в Белое море. Вверх по Северной Двине, по неизвестным рекам, от устья к истоку, волоком, через болота и необъятные леса пробирались они в царство Биармии²⁾). Слагали саги скандинавские скальды³⁾ о прекрасных царевнах Биармии, ставших женами конунгов⁴⁾). Дик и мрачен горный хребет на Востоке, воинственные и отважные жители и многое богатство и в лесах, и в реках, и в земле. Из Индии, Персии, Туркестанских степей, Турции, Англии, Германии и Римской империи шли караваны купцов, плыли по рекам Тавде, Турсе, Иртышу, по Волге и Каме в опасном многолетнем путешествии ради мехов, ради камней, ради меди, золота, свинца, царевен и сказок. Те из пришельцев, которые видели подернутые голубой дымкой вершины Рифейских гор (Урала), которые собирали по берегу рек разбившиеся на куски радуги и сплохи (камни-самоцветы), которые слышали в пурге разгневанный голос Вой-пель (что

значит Северное Ухо)—самого главного бога,—те, вернувшись на родину, никогда не забывали чудесную страну.

Время текло, поколения людей сменялись другими. В край племен Чуди, Веси, Мурома, Перми и Печоры приехал купец Аника Федорович Строганов, поставил соляные варницы в Сольвычегодске, нагнал черни и стал варить соль. А потом занялся торговлей.

Урал-тау (урал — по-татарски — пояс), Уральский хребет, известный древним под названием Рифейских или Поясных гор, вытянулся мощным телом с севера на юг, заняв в длину целых двадцать четыре градуса, иначе говоря, две с половиной тысячи километров. Люди, жившие в горах, верили в Вой-пель, поклонялись деревьям, солнцу, воде, огню — всему, что страшит, что неизвестно, что может ударить и приласкать. В 1616 году местный Трифоновский монастырь перестроили в солеварный завод. В 1785 году завод был уничтожен, как не имеющий промышленного значения. Люди жили, пахали, ловили рыбу, охотились, рубили лес, изрядно научились плести лапти и короба, откалывали странные монеты, горшки и статуи, недоумевая кто платил этими деньгами, кто ел из этих горшков, кто мазал скулы кровью жертвенных зверей этим идолам. Все забывается. Урал-тау величественно дремал, шумя и пихтами и соснами. Люди ходили по землям Урала, и лень им было воткнуть заступ не на полметра, а глубже. Но вот однажды осенью 1928 года пришли хлопотливые люди в сумрачно трудовое село, что-то измеряли, осматривали, нюхали землю,

Я х чу пить.—Антил.—Черный ручей.—Хитрая калитка.—Перевоз.

Комарихинская или Комариха, а попросту Комары — станция, как все станции Горнозаводской дороги: каменное здание, запасные пути, пакгауз, горы лесоматериалов, скучающий начальник станции, пара поездов в сутки в одну сторону и пара в другую... Жарко, безветрено.

Я медленно подошел к баку, лениво нагнулся и стал нацеживать в кружку кипяченую мутную воду. Пить хотелось так, что не верилось — можно ли разжать зубы. На лавочке в полуутяме пассажирского зала сидел крестьянин, пальцами, похожими на древесные корни, скручивал козью ножку, уставясь на меня круглыми светлыми глазами. Пока я собирался с духом, чтобы подняться и подойти к баку, он пристально разглядывал меня. Не знаю, что его могло заинтересовать. Я пил и в отместку в свою очередь, не мигая, уставился на него. Когда я выпил пятую кружку, у крестьянина задрожали губы. Его лицо, черное от загара, было грубо, как изделие из ката — древесного наплыва. Я понял, что он улыбается. Выпив шестую кружку — с трудом, правда, но гордость не позволила отступить, — я подошел к крестьянину.

— Далеко, отец, до Городков?

— Не. За семафор выйдешь, свернешь налево и лесом, лесом.

— Километров десять?

— Поболе. Пятнадцать будет.

— А тебе не туда, отец?

¹⁾ Настоящий очерк является результатом специальной поездки на Урал молодого литературного выдвиженца редакции «Есемирного Следопыта» Сергея Будинова.

²⁾ Биармия — так называли древние скандинавы северо-восточный угол СССР между Северной Двиной и Уральским хребтом.

³⁾ Скальды — древне-скандинавские поэты.

⁴⁾ Конунг (у скандинавов) — князь.

— Нет.
— А может по дороге?
— А вот по дороге—верно. Сверну, не доходя перевоза.
— Идем?
— Айда!..

Пошли. Крестьянина звали Антипом. Соединение словоохотливости, наблюдательности и злобы делало его остроумным.

— Идешь понюхать чем пахнет?— спрашивает меня.— Эх вы, горе-строители. А раньше что думали?

— А кто знал, что она на Урале имеется?

— Все знали. И я знал.

— Вот ты ходишь по земле, знаешь, что в ней нефть налила как в полной чаше, а невдомек было что сделать? А?

— С меня что спрашивать,— отплевывается Антип.— Мое дело темное, крестьянское. Весь век дрова рублю да лыко деру. Я с дерева одну шкуру, а с меня три. Разве угоняешься?

— Слыхал эту песню. Старо! Поешь, брат, мотивно, а слушать противно.

Антип не стал хаять свою теперешнюю жизнь, а перевел разговор снова на нефть.

Его отец был охотник. Он сам возился в земле, в лесу, такой же черный, как земля, такой-же корявый, как дерево, растущее на ветру. Его дед тоже был охотник. Сам он никогда не охотился, но иногда не хотелось смотреть на знакомую работу, в грудь входила тоска, глаза делались бездонными дырками в черепе, и он брал ружье и уходил в горы, в лес. Это походило на запой. Пропадал от недели до месяца, прячась в чаще, чтобы не встретиться с

человеком, в голове бродили неоформленные желания, недодуманные мысли. Ходил с ружьем там, где еще много лет назад скитались его отец и дед. Один раз—с тех пор прошло 20 лет—пришел в лог. Края круты. Пласти пород обнажились на скатах. По дну бежал ручей. Охотник пробрался к самому его истоку и решил здесь переночевать. Наступила ночь. Развел маленький костер, прислонился к сосне и, сидя на мягкой хвое, покуривал трубку. Лес молчал. Тихо стояли пихты и ели. Неумолчно журчал ручей, холодный и чистый. И вот, когда охотник стал засыпать, в природе что-то случилось. На одно мгновение земля дрогнула. Качнулись разом и сосны и пихты, где-то ухнуло. Нето в небе, нето в недрах гор. Охотник вскочил, сжимая ружье. Но все стояло на своих местах, только напротив на скате висевшая над обрывом сосна вместе с глыбой земли сорвалась вниз. Так же темно, так же тихо. И небо на месте и ручей. Охотник взглянул под ноги и раскрыл рот. Вместо светлой и чистой из камней выбивалась блестящая **черная вода**. Что-то осело внутри земли, какие то напластования почв сместились на один-два миллиметра, закупорился один выход, открылся другой.

«Черная вода!» — с суеверным ужасом подумал охотник. Он слыхал от своего деда рассказы о том, как из земли начинала выходить черная вода, как речки становились черными и что это приносило людям несчастье. Надо уйти отсюда, потушить костер и уйти. Охотник тяжелым сапогом давит угли. Странный запах распространяется в воздухе, но он не может вспомнить, чем это пахнет. Внутри земли продолжались изменения. Земля снова осела. Выход закрылся. Из камней не бежала теперь ни белая, ни черная вода. Охотник вскинул ружье на плечо и пошел прочь. Добравшись

до макушки горы, он вспомнил: пахло керосином! Природа закрыла на глазах человека один кран с водой и открыла другой, из которого по текла нефть. Охотник через месяц вернулся домой, но никому не сказал о виденном. «Мало ли что бывает»,—думал он, вспоминая.

— Мы такие ручьи и реки называем черными, потому что сверху плавает нефть иногда такими густыми пятнами, что воды не видно. Их много у нас в горах и черных и ржавых... А в тот раз было землетрясение.

* *

Дорога, по которой мы шагали с Антипиом, вела прямо на север, то круто спускаясь, то поднимаясь на гору. Ели со светлозелеными свечечками новых ветвей, гигантские сосны, голые до самой макушки, пышные березы покрыли все пространство. Кострами вкраплены цветущие кусты шиповника. С вершины горы я увидел во все стороны на громадное расстояние горы и леса. Далеко они покрылись синей, почти голубой дымкой. Все вокруг торпелилось остриями елей. По этой дороге от Комарихинской редко ездят. Только верхом, потому что она слишком извилиста, слишком много кручей.

— Весной ты бы здесь не прошел по-своему, по-городски,—сказал Антип.— Грязно у нас.

Мне казалось, что и сейчас особенно сухо не было. Глина приставала к ногам. Передвигаешь тяжелыми ботинками или скользишь на подъемах, хватаясь за траву и кусты. Шли что-то долго. Начались изгороди вокруг полей. Ворота были с остроумно придуманным блоком. В землю врывается гибкое деревцо со стороны, откуда следует открывать. От его верхушки протянута или веревка или мочала к воротам. Когда их открываешь, деревце упруго сгибается. Немного удивясь, почему это ворота так туго открываются, я уверенно прошел и небрежно отпустил их, они же дали мне сзади такого тумака, что я встал на четвереньки.

— Хитро,—сказал я, оглядываясь. Пройдя еще с полчаса, Антип остановился.

— Прямо иди,—махнул он рукой на север.— Лесок пройдешь, к деревне Шальтино выйдешь. Там увидишь как и что. совсем немного до Городков осталось. Переезд внизу. А мне налево. Спасибо за компанию.

— Прощай,—отвечаю.

«Черная вода!»—с суеверным ужасом подумал охотник...

Пройдя лес, я увидел внизу Шалыгино. За ним извивалась река Чусовая. Далеко влево высокие берега сливались с небом. На берегу, километрах в пяти на запад, я разглядел горящие на солнце шесть серебряных куполов одной из двух церквей Верхне-Чусовских Городков.

III

Эксплоатация приезжего.—«Место запоганили».—Дед сердится.—Жадная Чусовая.—Я вижу нефтяную вышку.

— В деревне Шалыгино семьдесят дворов, а растянулась она что твоя Москва по берегу,— говорил дед перевозчик,— потому что мало земли. Кому охота лес корчевать. Кто отделяется— идет на конец деревни... А тебе куда, в Городки? Служить?

— Нет, дедушка, по делу и обратно.

— Ну, ну,— посматривает он на меня выцветшими глазками из-под лохмотьев седых бровей.— Бери весла, грести умеешь?

— Умею,— недоумевающе смотрю я на деда.— А что?

— Ну и греби. А я на корме сяду. Править.

«За свои же пятнадцать копеек, да сам и греби»,— обиженно подумал я. Ну, ничего не поделаешь. Взял весла, похожие скорее на столовые ложки, на лопаточки для чистки ушей или на детскую лапту — на что угодно, только не на весла,— сел на низенькую скамеечку, стал грести и так энергично, что пристали к противоположному берегу почти против места отплытия, несмотря на довольно сильное течение еще многоводной Чусовой. Дед отрывается квитанцию с печатью Шалыгинского сельсовета и, как заправский кондуктор, подает мне. Я сажусь на камень покурить, отдохнуть и немного поболтать. Дед оказался неразговорчивым, только сердито плюнул в воду.

— Место запоганили. Рыбу портят,— сердито проговорил он.

— В чем дело? Чего ты, дед, так расстроился?

— Вот и чего. Начали здесь катать нефть, так, поверь мне, сынок, круты-высоки берега Чусовой, а сквозь землю в воду стала она, треклятая, стекать, где сочится слезой, где прямо ползет. Пятнами река покрылась. Здесь еще хорошо: наша деревня выше по реке, а ниже— и не говори,— белье не прополощешь. Целые лужи по воде плавали. Во-он как!

— Что же, дедушка,— говорю я, бросая в воду окорок,— значит много ее, этой нефти, в земле у вас.

— Может и много,— дед садится в лодку. На том берегу кто-то стоит и кричит:

— Переово-оз!

Но дед не торопится. Усмехается.

— Покричи малость, может животу легче будет,— ворчит он.— Много вас расходилось нынче. Весной—туман, река полна доверху, дерева несет, щепу всяющую, а они надрываются—день-не день, ночь- полночь перевози их. По часу орали, пока не рассердишься и не вылезешь из избы на берег.

— Сердитый ты,— говорю я.

Дед отталкивается от берега. Я пошел. Дорога шла вдоль реки. Берега обрывисты. А течение быстрой Чусовой подтачивает их, и в некоторых местах приходится относить дальше отгораживающий поле плетень и прокладывать новые колеи. Тонны береговой почвы рушатся в воду. Земля мягкая и легко поддается размывам. Я видел глубокие трещины. Это откалывалась почва. Подойдя к краю, пнул ногой, и громаднейшая глыба ухнула вниз. Бывают случаи, когда телега остается висеть в воздухе двумя боковыми колесами: под ней внезапно исчезает земля. Так река съедает берега, посменно меняя русло.

В Чусовские Городки можно увидеть лишь подойдя к ним вплотную. Пройдя болотистый выгон, я увидел дома. Прямо передо мной выросла нелепая каменная церковь с шестью серебряными куполами. За ней двухэтажный каменный дом, где был и совет, и ячейка партии, и клуб. На берегу стоял громадный железный бак. А правее я увидел первую на Урале нефтяную вышку. Черная, покрытая заплатами толя, она возвышалась почти посередине села. На самой верхушке развесился красный флаг. Я невольно остановился и снял шапку.

— Привет тебе, уральская нефть!

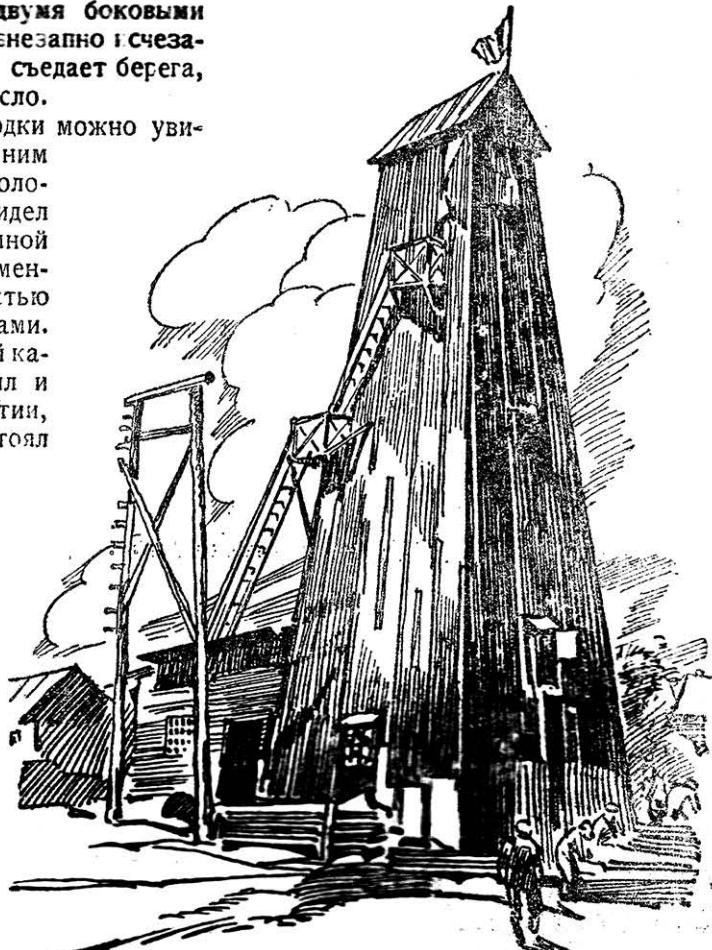
IV

Исторические снимки.—«Живая» нефть.—Сплав леса.—Пузыри на болоте.—Пророк.—Озеро нефти.—Бабка Иvasиха печет пироги.

Приезжий фотограф снимает Городки с разных мест. Эти снимки будут историческими. Через несколько лет вид села изменится. Какой он будет—приблизительно рассказывают планы и чертежи. Две глаеных улицы— Мельничная и Черепановская— покрываются асфальтом. Разглядывая экономные линии и цифры, я глядел на пять лет вперед.

— Здесь будет мост через Чусовую—говорил мне техник.—Дорога от Городков до станции Валежной, около двадцати километров, будет шоссирована. Будет железнодорожная ветка. Производятся изыскания, составляются сметы, все это в ударном порядке, потому что «живая» нефть, то есть жидккая,— в отличие от «спящей», получаемой при сухой перегонке,— не любит, когда с ней шутят. Ее разбудили и спленели пока что по рукам и ногам. Скаджина ведет себя вызывающе буйно и старается вышибить крышки.

Матросы, маячные сторожа, рыбаки, летчики и вожатые разных ма-

Черная, покрытая заплатами толя, она возвышалась почти посередине села.

шин о неодушевленных предметах говорят как о живых.

Пока что на месте моста берег Чусовой покрыт крупной галькой, а на месте шоссе тракторы и катки вязнут в грязи и топях. Возле мельницы построена плотина поперек впадающей в Чусовую реки Усолки. С далеких берегов проплывают тысячи бревен спиленного леса. Их пропускают через шлюзы на Чусовую, направляя стремительное падение баграми. Потом их свяжут в плоты, и Чусовая передаст их на Каму. На Каме и Волге конвейеры втянут в недра лесопильных заводов мокрые, исцарапанные, иной раз с расщепленными, измочаленными концами бревна и бросят на станки под продольные, круглые, ленточные пилы.

— Теперь все берут на заметку, — говорил мне старый сплавщик. — Я ходил здесь к самому главному инженеру и рассказывал что видел. Раньше-то, где только ни ходишь, ни плаваешь, иной раз удивишься, промеж себя поговорим и все. А теперь нет. Вот видел я в одном болоте штуковину и сказал. Мало ли что, может и пригодится. Вон сколь народу бродит по лесам и кручам, щупают да измеряют. Может и туда пойдут, где был. Плыли, понимаешь, по реке вниз на плоту, бревна гнали. На ночь приткнулись к берегу. Вышли. Пошел я побродить, ноги размять, а места, любезный, гибкие. Топи, болота, земля под ногой ходит, хлюпает, живой стонет. Постоял на одной поляне, некуда ити дальше — окна в болоте блестят при месяце. Ступиши еще — пропал. Повернулся, хотел пойти, да заметил вдруг. «Вот, — думаю, — чудо. Рыб нету, кто ж залез под воду и пузыри пускает». Пока смотрел, а этих пузырей все больше и больше, так и пляшут, так и лопаются. И запах, понимаешь ли, словно сотню тухлых яиц вот здесь разбили. Это газ из земли шел, со дна, с тины. Кто его знает, может и там нефть имеется, вот она и дышит сквозь болото, бурки¹⁾ пускает. Я не раз видел это. А бывают и огни. Горит огонь, с места на место переходит, где лопнет пузырь, там и проявится. Дивны дела!.. В молодости перекрешился, зачураешься и пойдешь: нечистая сила играет. Теперь отменили ее, ни на что иное и не подумаешь, как на торф или на нефть. Верно ведь?

— Верно, товарищ!

Однако, несмотря на «отмену» всяческих чудес потусторонних сил, один из слуг христианской магии

явился в Городки с громкой проповедью о ненужности и бренности всяких человеческих стремлений. Длинные нечесаные волосы свалялись в войлок. Он поднимал руки и призывал анафему на роющих божью землю, на пьющих ее черную кровь. Он клялся, что сожжет все Городки и все затеи ученых людей, что мир изменится, если крестьяне оставят стоять у себя вышку. Он был прав: мир изменится, но в этом, в воздействии на окружающий мир, в желании, в умении его видоизменить и состоит отличие человека от животного. Сумасшедшего пророка, хотевшего привести свою угрозу в исполнение, поймали на отчужденной территории промыслов, связали и увезли в Пермь. Угроза «сжечь» является здесь страшной угрозой.

В ведро набрали нефти до краев. Поверхность ее — цвета радуги. Газ улетучивается. Нефть кипит, пузырится. На поверхности появляются плавалы. Через несколько минут из 230 миллиметров в ведре остается 60. Так она насыщена газом. На противень льют нефть. Зажигают спичку и подносят. 35 сантиметров... 22... 18... 15... 11... и вот нефть вспыхивает. Горит с треском. Винтообразное пламя дает густой дым, сильно пахнущий серой. На противене остаются большие корки коисса и гудона, такого вязкого, что можно растянуть нить на несколько метров. Запах сероводорода слышен во всем районе Чусовских Городков.

В двух километрах от вышки от неосторожного обращения с огнем загорелся лес. В уши всем жителям прокукарекал красный петух. Пожар был остановлен и, благодаря энергии рабочих, не уничтожил не только село, но и первые Уральские нефтяные промыслы.

— Милой, — говорила мне бабка Иvasиха. — Со мной стряслось неизвестно что. На старости лет в темной сидела...

У бабки Иvasихи сыну двадцать три года, ей самой под шестьдесят. Иван — красноармеец — приехал из жаркого Азербайджана на побывку. Дали всего месяц: две недели на путь, две недели отпуска. Кончается отпуск, ходит бабка Иvasиха с красными заплаканными глазами. Один сын у нее. Ехать сыну сегодня. Сосед отвезет на Валежную. На дорогу испечь бы Ивану. Тесто замесила. Поставила. Подошло оно —

Проф. Преображенский.

глядеть да радоваться. Печь затопила. Днем было дело. Вышла сама на уличку, сидит. Ушел Иван в совет последние дела решать с односельчанами. И вдруг вылетает из-за угла конный. За плечами винтовка. Лошадь пляшет под ним. Взглянул на трубу, а из нее дым так и валит, искры летят. Подъезжает к избе солдат, спрыгивает с лошади.

— Твоя изба? — орет.

— Моя, служивый. А что?

— Гаси печь и с-сию ж минуту!

— Господи... — только и молвила бабка Иvasиха, а солдат уж в избу, а солдат заслонку долой, схватывает кочергу да бьет по дровам, а потом берет шайку с водой да в печь, черпает из кадки да опять в печь плашет. Зола летит, пар валит, угли шипят, наследил, напоганил. Вот тебе и пироги!

— Милой, — жалуется бабка Иvasиха, — поездили меня в совет на допрос. Да провались она в пекло, ваша нефта, в жисть свою зареклась днем печи топить. Посмеялись в совете, а потом пристрастили. Два часа в темной сидела, света не видала. Уехал Иван без пирогов. Ночью пекла, да без радости: кому их?

Больше всего боятся пожара. Был издан приказ: во время производства нефтяных работ огней не зажигать; печи топить только ночью до трех часов утра.

Нефтяной резервуар на 2000 тонн доставлен по Чусовой буксиром на шитике. Его надо протащить от берега почти на целый километр к месту работ. В земле роется яма. Брызгается деревянный, обитый железом жолоб. В жолоб вставляется ворот с длинными горизонтальными спицами. Четырех лошадей впрягают в спицы, и медленно-медленно они ходят по кругу, понукаемые и лаской, и бранью, и кнутом. Тихоинко на во-

¹⁾ Пузыри.

рот наматывается канат. От него на блоках к баку протянуты другие. Под бак подкладывают катки,— цепные бревна — делают настил, иначе он загрузнет на болотистом месте. Целая армия рабочих копошится вокруг резервуара. Можно надеяться, что в течение месяца его установят. Но это дьявольский труд. Когда канат намотан до отказа, в тридцати-сорока метрах вновь роют яму и вновь зарывают ворот.

Когда бак будет стоять на своем месте, возникнет вопрос о доставке другого, либо об устройстве нефтепровода. Скважина № 1 при двадцатичетырехчасовом рабочем дне заполнит этот бак в три-четыре ме-

сяца, смотря по суточному дебету. Около вышки на пригорке стоят два полных нефтью резервуара по 50 тонн. На будущих нефтепромыслах кипит стройка.

Перми—была рассчитана на проход 900—1000 метров. Бурение производилось ручным способом. Проходят 300 метров — ни отложений, ни соляного горизонта. Прошли 325 метров. Вынутые колонки говорят, что дошли до Кунгурского яруса пермских отложений. Вынута битуминозная порода. Колонка пахнет керосином. Буровая штанга прошла 330 метров. Извлеченная порода послана в Ленинград. Разведчики работают как во сне. Они наткнулись на черное золото. Потечет ли оно? Что будет завтра? Из Ленинграда приходит ответ, что в трещинах присланной колонки породы—нефть. Разведчики глядят друг на друга влаж-

Май месяц 1929 года. Из Ленинграда выезжают специалисты-геологи. «Поиски нефти будут производиться по всему западному склону Среднего Урала»,— заявляет комиссия. 12 мая ручным тартанием получают свыше 16 центнеров нефти. Главгортопу и Азнефти посыпается распоряжение отправить в Чусовские Городки буровой станок вращательного движения. Через три дня бьет фонтан. Он дает сразу две с половиной тонны. В 2 часа дня давление доходит до 5 атмосфер. После нефти бьет газовый фонтан. Сильный запах сероводорода отравляет воздух. Разведчики боятся пожара. Тары нет. Скважина закупоривается. Нефть здесь. Куда ее девать? Надо много. Увеличить разведочный диаметр скважины до промышленного. Наладить связь. Нужны пути сообщений и сношений. Надо поставить охрану. Постройки надо перенести. Нужен телефон с Пермью, тракт до станции Валежной, пароходные рейсы Пермь—Городки, надо... все!

На другой день после фонтанизации работы прекращены: Чусовая разливается.

Первый химический анализ Уралнефти: много сернистых соединений. Для очистки потребуется много серной кислоты. Будут отбросы. Определяется площадь залежей: от Ухты на севере до Общего Сырта на юге. Район в несколько тысяч километров!..

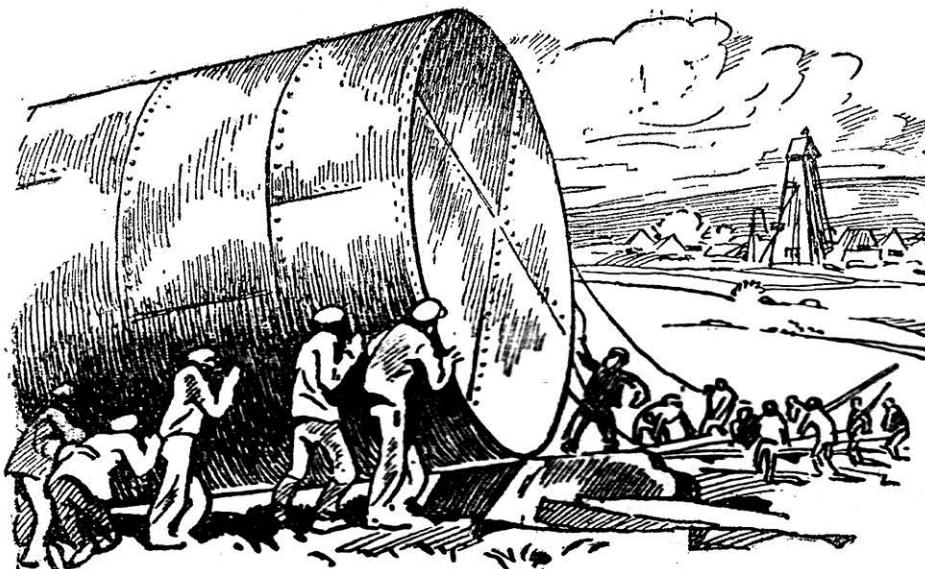
В скважине давление в 2 атмосферы. Что еще надо?—Установить паровой двигатель. Вырыть хоть временный земляной амбар на 8 тысяч тонн (500 000 пуд.)

19 мая производится точный анализ: удельный вес—0,95; вязкость—1,54; калорийность—10,000; золы—нет; серы—2,8; смоляистых веществ—32%; погоны: до 150°—24%, до 270°—26%, до 300°—30%. Остаток затвердевает. Температура вспышки—5°.

20 мая ВСНХ СССР награждает профессора Преображенского десятью тысячами рублей.

22 мая скважина испытывается вновь. Давление—3,1. Крышка открывается. Фонтанирует газ с периодическим фонтанизированием нефти. Через 2½ минуты сплошной фонтан нефти. Газ спускают, давление падает. В это время прорывается шланг. Фонтан закрывается. Рез льтат: за 6 минут получено полтора центнера нефти. Глаза рабочих загорелись восторгом.

Бурильные станки в пути. Предполагается бурение пяти новых скважин на нефть. Прибывает материал

Целая армия рабочих копошится вокруг резервуара...

сяца, смотря по суточному дебету. Около вышки на пригорке стоят два полных нефтью резервуара по 50 тонн. На будущих нефтепромыслах кипит стройка.

V

Где же калийные соли? — Трещины в колонке. — Бутылка с сумасшедшим ярлыком. — Фонтан. — Что надо сделать.

В пластах осадочных пород в недрах земли образовались каверны. Эти пустоты заполнила нефть. Естественный резервуар перекрыт непроницаемыми пластами сланцевой глины. Месторождения нефти, имеющие промышленное значение, залегают в осадочных образованиях: пески, песчаники, конгломераты, известняки и сланцевые глины.

История скважины № 20 любопытна.

Осенью 1928 года в 6—7 километрах от Горнозаводской дороги были заложены скважины для разведки на калийные соли. Знаменитая отынеш скважина № 20—в 50 километрах от

ними глазами, подбрасывают шапки вверх—ура! Бурение продолжается. Из скважины вырывается газ. Сквозь воду всплывает нефть. Воду откачивают в реку, и Чусовая покрывается масляными радужными пятнами. Жители негодуют: им портят воду. Нефтяной горизонт определен в 330—390 метров. Первая нефть набирается в бутылку. На ярлыке пишется ошеломляющая надпись: «Урал-нефть»—нефть, добытая из скважины № 1. Руководитель бурения геолог Слесарев отвозит бутылку в Свердловск и дарит ее VII Уральскому Областному Съезду Советов. А в Чусовских Городках напряжение достигло предела. Вот она, здесь, под ногами, стучит в крышку, просится выйти, напирает! Надо откачивать воду, нужны машины, нужны средства. В Америке изрыли и обстукали молотками всю землю. Прежде чем найти нефть, производят бурение 250 скважин, расположенных в шахматном порядке на территории предполагаемого месторождения.

для прокладки нефтепровода от вышки к резервуару. Давление $4\frac{1}{2}$.

30 мая давление 5 атмосфер.

2 июня, во время перестановки вентиля в скважине, неожиданно вырывается семиметровый фонтан нефти, окатывающий всех присутствующих: скважина ведет себя возбужденно.

9-го—проба. Собираются все рабочие и инженеры. Территория отделена от Городков проволочной изгородью. В будках стоят часовые. Давление—0. Вентиль открывают. Идет газ. Слышно, как плещется нефть. Проба временно прекращена. В 5 ч. 47 м. нефть фонтанирует на высоту 6 метров. Сильное выделение газа. Давление—7,2. Температура—5,8. А помните анализ? Температура воспламенения—5! Надвигается гроза. Подходит ливень. Молнии вспиваются в землю. Вентиль плотно закрыт. Непокорная нефть насилино загнана в скважину.

На другой день она продолжает фонтанировать. Режим скважины пульсирующий. Подходит буксир с шитиками. На них резервуар. В это время первый резервуар на 50 тонн заполняется. Скважина дышит хрипло, захлебывается. Каждые 17 минут схватка. Каждые 10 минут давление поднимается с 0 до 1,5. Это значит—она еще не укрощена. Узда еще не одета.

В 60 километрах от Чусовских Городков обнаружены месторождения битуминозных доломитов. Запас нефти по приблизительным подсчетам спределяется в 300—325 миллионов тонн.

А теперь еще раз о том, что еще надо:

18 домовладений необходимо снести. Затребовать коммутатор на 25 телефонных аппаратов. Для форсирования постройки тракта Чусовские Городки—Валежная объявить трудовую повинность. Нужен гравий и 120—150 конновозчиков в течение месяца. Пока работают 2—3 подводы. Нужен нижний техперсонал. Привезенные из Перми десятники и плотники спились. Нужен неослабный надзор за огнем. Тракт надо шоссировать и асфальтировать гудроном Уралнефти. Фарватер реки Чусовой углубить. Нужен лес, камень, железо, трубы, паровые силы, электрический ток, руки и головы.

Вот что говорит простая хронологическая сводка и будничные фразы телеграмм с мест. В них ясно слышно давление, мощный напор черной крови Земли. Это кричит и требует скважина бывшая № 20, а теперь № 1.

VI

Нефть в колодце.—Даешь поправку в пятилетку!—Куда пойдут дороги. — Будущий город.—Алло, слушай, Земля!..

Разведка на нефть в районе Лысьвенского завода дала положительный результат. В деревне Заозерне, Снегиревского сельсовета, Кунгурского района, разведчики обнаружили в саманных ямах плавающую на поверхности воды нефть. То же самое

Подарок VII Уральскому Областному Съезду Советов...

в озерах Климихинского сельсовета, Ординского района. Река Ржавенка пахнет нефтью. На склоне Каменной горы в селе Веснянке, Кунгурского района, был обнаружен колодец, из которого крестьяне не пили воду—на ее поверхности плавала нефть.

— Открой свои тайны!—сказал человек Земле, и она покорно раскрыла недра. Геолком сбил ржавые замки, висящие на дверях, ведущих к сокровищницам,—к бассейнам, напитым нефтью.

Когда вспоминаешь историю скважины № 20, в грудь входит энтузиазм.

Даешь поправку в пятилетний план развития нашей промышленности! Уралнефть поставила пятилетку на дыбы.

Нефть—потребитель листового железа, цельнокатанных и опускных труб, буровых инструментов, насосов, компрессоров и т. д. Нефть заставляет строить новые десятки заводов и требует пересмотра энергетического хозяйства всех остальных, включая еще непостроенный город Магнитогорск. Предполагается прокладка нефтепровода Пермь—Москва. Урал стар. Все предыдущее—каменный век. Только сейчас вы секается первая ступень в бесформенной глыбе мира, первая из многих в лестнице, ведущей к жизни неведомой и прекрасной. Залог развития—горючее—под ногами. Будет дорога—Великий Северный Путь от Архангельска до Камчатки. Будет другая—от Карского моря до Ферганы. Правительственная комиссия под начальством Начальника Центрального Управления внутренних водных путей Лепина и инженера Иогансона на пароходе «Уфа» с брандвахтой изыскательской партии в 260 человек на пароходе «Свобода» выехали из Перми на четыре месяца вверх по Чусовой, Каме, Вишере и Колве для разрешения проблемы соединения Камы с Печорой каналом и для продолжения Камо-Печорского водного пути до порта Индиго. Тогда нефть будет экспортироваться за границу водой. В Свердловске стоит дом Магнитостроя, в котором находятся чертежи будущего города Магнитогорска. Его надо построить на горе Магнитной для многих десятков тысяч рабочих. Он будет построен!

Свердловск—город новый. Старое свезено в Уралмузей. Немногие деревянные тротуары Свердловска трамплином подкидывают человека. Еще шаг, и его швырнет ракетой Оппеля навстречу грандиознейшим возможностям. Эти клавиши деревянных тротуаров, переходящие в асфальт, и говорят, и кричат, и поют, вливаясь в тысяча сто девяностометровые волны. Вы слышите? Так должно быть, так будет! Кто говорит?

— Алло, слушай, Земля! Говорит Свердловск! Говорит Свердловск!

БЛОХИ И ВЕЛИКАНЫ

Рассказ-загадка Н. Железникова

За несколько часов до торжественного открытия созванного в Москве Всемирного эндокринологического ¹) съезда по коридору гостиницы «Са-

1) Эндокринология—учение об органах внутренней секреции. Эндокринные железы не имеют протока для выделения своего секрета наружу или в какие-нибудь полости тела. Вырабатываемый ими про-

вой» на Рождество медленно прохаживался высокий молодой янки. Его сухощавое лицо, похожее благодаря острой старомодной бородке на длинный клин, напоминало сте-

дукт поступает непосредственно в ток крови и регулирует разные сложные процессы в организме, как например рост, обмен веществ и т. д.

Рисунки худ. А. Шпир